

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РОККУЧЧИ А.
СТАЛИН И ПАТРИАРХ: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, 1917–1958:
[ПЕР. С ИТАЛ. О. Р. ЩЕЛОКОВОЙ].
М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2016. 582 С.**

Илья Ильич Павлов

Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога.
E-mail: elijahpavloff@yandex.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-2-208-214

Книга специалиста по новейшей истории, профессора Адриано Роккуччи посвящена отношениям между Православной церковью и властью Советского Союза от Октябрьской революции до 1958 г. Особое внимание уделяется изменениям во взаимодействии власти и церкви после разгрома в 1957 г. Н. С. Хрущевым «антипартийной группы» Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Л. М. Кагановича.

Тема, поднятая Роккуччи, вне сомнения, заслуживает подробнейшего рассмотрения. Достаточно вспомнить, что, как подчеркивает сам автор, значение религиозного фактора в истории СССР постоянно недооценивалось историками, в связи с чем история отношений между советской властью и церковью является на сегодняшний день недостаточно изученной¹. Игнорируя значение религии для понимания исторических процессов, эти исследователи воспринимали православие так, как его рисовала официальная коммунистическая пропаганда, то есть как пережиток прошлого. На мой взгляд, осознание значения религии для понимания социальной и политической истории даже официально атеистических государств становится еще более необходимым в контексте постсекулярного поворота в гуманитарных исследованиях, воспринимающих секулярность как исторический конструкт, стремящийся, но никогда не способный до конца вытеснить религию².

Однако не менее, а быть может, намного более значимой является политическая актуальность такого рода исследований в свете наследования по-

¹ О таком же невнимании к церковной составляющей, но уже по отношению к истории Российской империи, говорит Г. Фриз. Фриз Г. Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России // «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи. СПб.: ЕУ СПб, 2019. С. 17–44.

² В качестве примера такого рода исследований можно вспомнить «Секулярный век» Ч. Тейлора и «Теологию и социальную теорию» Дж. Милбанка. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. Milbank, J. (2006) *Theology and Social Theory. Beyond Secular Reason*. Oxford: Blackwell Publishing.

стсоветским обществом многих институтов, сложившихся в СССР. Одним из таких институтов, вне сомнения, является санкционированная И. В. Сталиным Русская православная церковь Московского патриархата, возглавляемая «Патриархом Московским и всея Руси». И название церкви, и титул патриарха¹ были изменены сознательно — причем именно в связи с тем, что Россией при новой власти называлась лишь часть СССР, что отмечает Роккуччи (161²), то есть из-за политических трансформаций. Анализ отношений между церковью и государством в сталинское и особенно в хрущевское время, а также связанной с этими отношениями системы институтов может пролить свет на происхождение тех отношений между РПЦ и государственной властью, которые мы наблюдаем сегодня.

Адриано Роккуччи начинает анализ с Поместного собора 1917–1918 гг., на котором патриархом был избран Тихон (Беллавин), вследствие чего после длительного Синодального периода было восстановлено патриаршее управление церковью, упраздненное Петром. Обращаясь к истории этого избрания, историк указывает, что далеко не все члены церкви поддерживали идею восстановления патриаршества, поскольку последнее привело бы к усилению власти епископата и не соответствовало идеям соборности (31)³. Тем не менее 5 (18) ноября 1917 г. патриархом был избран Тихон — и практически в это же время большевистская власть начала наступление на церковь.

Роккуччи подробно анализирует действия советской власти, предпринятые против церкви в первые годы после Октябрьской революции, указывая, что преследования церкви с необходимостью вытекали из марксистской идеологии большевиков, ставящих одной из первостепенных задач искоренение религии и борьбу за распространение атеистического мировоззрения. Под внешним давлением церковь оказалась вынуждена идти на уступки, и уже в 1923 г. патриарх Тихон официально заявил, что он советской власти не враг (48). В то же время и власти приходится периодически изменять степень жесткости антирелигиозной политики. В том же 1923 г. притеснения церкви ослабевают — причем в связи с вопросом об отношениях с другими государствами (54), перед которыми СССР был вынужден по крайней мере

¹ До революции и в первые годы после нее для указания на поместную Православную церковь в России использовались различные названия, но практически во всех из них фигурировало слово «Российская» вместо современного «Русская». Таким же образом патриарх Тихон именовался «Патриархом Московским и всея России», а не «всея Руси».

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются указанием страницы в тексте в круглых скобках. *Прим. ред.*

³ О настроениях внутри церкви до созыва собора также см.: *Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 79–99.*

изображать наличие демократических свобод, включая свободу совести и вероисповедания, на своей территории. Отметим, что именно международная политика и в дальнейшем оказывалась ключевым фактором, определявшим отношения между властью и церковью в Советском Союзе.

В последующие годы гонения на церковь возобновляются с новой силой, в связи с чем ей приходится идти на новые компромиссы. Роккуччи рассматривает не только основные события этой истории, такие как «Декларация» митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. или его же февральские интервью 1930 г., но и более подробный контекст этих и других событий. Анализируя перемены в отношениях церкви и государства с началом Великой Отечественной войны, историк особенно останавливается на знаменательной встрече Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) в Кремле ночью с 4 на 5 сентября 1943 г., после которой в церкви вновь после долгого перерыва был избран новый патриарх (159–160).

Примерно половина исследования Роккуччи посвящена периоду, заявленному в заглавии, — отношениям Сталина и его соратников с патриархами Сергием (Страгородским) и Алексием (Симанским). Подробно реконструируя сталинскую религиозную политику после 1943 г., историк остановился на анализе обновленных церковных структур, изменений в положении епископата, границ полученной церковью относительной свободы действий (159–368). Также Роккуччи продолжает освещать связь положения церкви с международной политикой коммунистического правительства — в частности, рассматривая вопрос о причинах перелома 1943 г. (223–260). Отметим, что даже в этой части книги историк скорее говорит об институциональных изменениях и работе сталинской бюрократии, чем о личных отношениях Сталина и патриарха.

На протяжении всего исследования тема связи религиозной политики и международных отношений СССР продолжает оставаться ключевой. Роккуччи анализирует перемены, произошедшие после смерти «отца народов» в 1953 г., и особенно подчеркивает значимость победы Хрущева над «антипартийной группой». Эта победа сделала невозможным продолжение сталинской религиозной политики, поскольку, делая партию главным органом власти, она требовала возврата к строгому следованию коммунистической идеологии с ее атеистическими идеалами (426). Именно в связи с этим Роккуччи завершает свое исследование не годом смерти Сталина, что казалось бы логичным, а 1958 г. — временем нового наступления на церковь.

Так же, как и в основной части книги, в заключении Роккуччи особое внимание уделяет международным отношениям. Изменение религиозной

политики советской власти приводит к снятию митрополита Николая (Ярушевича) с должности председателя созданного в 1946 г. Отдела внешних церковных сношений (далее ОВЦС) (429). Следующим этот пост занимает митрополит Никодим (Ротов), наставник нынешнего патриарха Кирилла (Гундяева), который также будет возглавлять ОВЦС — в течение двадцати лет (1989–2009). Никодим более отчетливо, чем другие иерархи церкви, осознал ту связь положения церкви в СССР со сферой международных интересов, которая проявилась уже с первых лет большевистской власти, однако стала особенно значимой с 1939 г., когда интересы СССР и церкви на международной арене стали совпадать (431–432). В связи с этим Никодим «считал внешнеполитическую деятельность патриархии истинным делом церкви» (432). Он последовательно осуществлял ту международную политику, которая позволяла церкви в условиях хрущевской эпохи не только выжить, но и развиваться. Историк отмечает, что линия, намеченная Никодимом, продолжалась до конца советской эпохи и даже после нее (433).

Таким образом, книга Роккуччи, охватывая значительный временной период с 1917 по 1958 гг., предлагает читателю бесценный материал об отношениях между советским государством и Православной церковью. Анализируя исторические документы, автор воссоздает политические действия ключевых фигур, определивших направление развития этих отношений и знаменательные перемены в их ходе. Историк не обходит вниманием и институциональные изменения, произошедшие в церкви, — от восстановления патриаршества до роста значения городских приходов.

И именно на фоне неоспоримых достоинств исследований Роккуччи становятся более явными его недостатки.

Возможно, не все читатели согласятся со мной, но я считаю необходимым разделять труд историка, опирающийся на работу с историческими источниками и приводящий в первую очередь к локальным выводам, и глобальные историософские обобщения. Конечно, в истории возможно и выявление глобальных тенденций, но только в том случае, если оно предельно обосновано и выполнено с опорой на исследовательские методы гуманитарных наук. Роккуччи же вводит историософские обобщения прямо в Предисловии и стремится поместить в их контекст свое исследование. Историк говорит об особых харизмах царя и патриарха как ключевых для русской культурной модели, связывая последнюю с имперской идеей «Москвы — Третьего Рима», которая-де является «подлинной сутью истории России» (13). Роккуччи предлагает смотреть на историю Православной церкви в СССР через призму соотношения харизм светской и духовной власти, заявляя, что именно смерть Сталина, сошествие с исторической

сцены «царя», изменило положение церкви в хрущевское время (13). Такого рода размышления могли бы иметь научную ценность в том случае, если бы они были подкреплены подробным разбором теории империй или моделей соотношения светской и духовной власти с обоснованием применимости таких моделей для анализа секулярных обществ. Однако вместо такого разбора Роккуччи предлагает нам лишь короткие цитаты из размышлений А. В. Карташева и Г. Н. Трубецкого об имперской «сути» России или особой роли патриарха (11–12).

Обобщения Роккуччи представляются тем более неуместными, что они противоречат результатам, которые историк предлагает далее. Из основного текста работы мы видим, что отношения советской власти с церковью строились не только через отношения «царя» и патриарха, но и через работу советской бюрократии с другими иерархами, занимающими ключевые посты, а также через реорганизацию широкой сети церковных институтов, от ОВЦС до приходов. Сам же Роккуччи говорит о том, что отношения церкви и советского государства — это отношения между большими группами людей и противостояние двух мировоззрений (434). Рассматривая реакцию церкви на политику большевиков, историк подчеркивает гибкость религиозных общин, выбиравших стратегии противостояния (436).

Характерно, что в основной части книги Роккуччи почти не обращается к историософской модели, введенной в начале исследования. Если же историк упоминает о ней или даже пытается встроить ее в свой нарратив, такие обороты оказываются случайными и не могут претендовать на статус научного объяснения. Например, когда Роккуччи говорит о желании патриарха Алексия лично встретиться со Сталиным в надежде на его поддержку, он указывает, что «корни представления о единстве между народом и его руководителем уходили в самую глубь русской истории» (319).

Конечно, встреча иерархов со Сталиным в 1943 г. была важна для становления церкви. Однако мнимая харизматическая связь Сталина с церковью никак не проявила себя в эпоху сталинских репрессий — или, во всяком случае, в книге это не показано. Апелляция к харизме Сталина никак не объясняет и того, почему религиозная политика советского правительства изменилась не сразу после смерти «отца народов», а после победы над «антипартийной группой». Также вряд ли можно говорить о мистической связи с другими «первыми лицами», упоминающимися в книге, — В. И. Лениным и Хрущевым.

Более того, сам историк уже на следующей странице книги говорит об отношениях со Сталиным совершенно в других тонах:

«Дело было не в склонности (и еще менее в генетической предрасположенности) к угодничеству перед властью, традиционно присущей русскому православию. Просто от отношений с гражданскими властями зависело если не все, то, по крайней мере, почти все будущее церкви, а в те годы баланс в системе власти если не полностью, то в значительной степени зависел от Сталина» (320).

Таким образом, наряду с историософскими размышлениями, сам Роккуччи приводит куда более понятное объяснение отношения церкви к Сталину и к советской власти в целом — объяснение, основанное на прагматическом поиске стратегии выживания.

Временами Роккуччи возвращается и к спекуляциям о второй харизме — харизме патриарха и в целом о метафизическом значении православия для русской истории. Историк настаивает, что

«<...> православие по-прежнему создавало в советском мире свою систему координат, оказывавшую немалое влияние не только на культуру и национальное самоопределение, но и на отношения между властью и обществом. Оно было потоком, подводные течения которого в советскую эпоху существовали в основном в глубинных слоях этой культуры. И, словно глубинное тектоническое явление, оно не могло не влиять на процессы, происходившие на поверхности земной коры, то есть на политические события» (440).

Что именно Роккуччи здесь имеет в виду? На следующей странице он говорит о значении церкви для осознания национальной самобытности и для сакрализации форм власти. Полагаю, что оба пункта верны для постсоветской эпохи, но для советского времени особенно второе замечание представляется более чем спорным. В другом месте сам Роккуччи пишет, что сакрализация советской власти основывалась вовсе не на православных традициях, а, наоборот, на вытеснении религии или на обращении к неправославным религиозным архетипам. Историк вспоминает о проекте Дворца Советов на месте взорванного храма Христа Спасителя, сакрализирующем власть с помощью традиции греко-римских храмов и «мистики высоты» (90), а также подчеркивает, что сакрализация Москвы требовала «освобождения московской городской панорамы от максимального числа объектов, имевших религиозное значение, напоминавших о религии» (91). Иначе говоря, о «глубинном» влиянии православия на советскую политику вряд ли можно говорить, а отношение большевистской власти к церкви опять же лучше объясняется не метафизикой русской истории, а обычным политическим прагматизмом — в первую очередь потребностями международной политики, что и

подтверждается материалом, приведенным самим автором непосредственно в тексте исследования.

Так, и название книги, и историософское введение оказываются, на мой взгляд, исторически более бедными, чем основное содержание. Последнее детально вскрывает всю многогранность отношений между государством и церковью, не уместающихся ни в какую историософскую схему. И если и искать ключевую тему в отношениях коммунистической власти и церковных институтов, то в качестве таковой, на мой взгляд, следует выделить международные отношения СССР, но никак не личные связи Сталина с патриархом или теорию «двух харизм» — тем более что отношениям Сталина и патриарха посвящены лишь отдельные фрагменты той половины книги, которая освящает десятилетие 1943–1953 гг.

В качестве другого недостатка книги следует выделить недостаточное раскрытие автором истории обновленческого движения и катакомбной церкви. Я полагаю, что этот недостаток с необходимостью следует из историософии Роккуччи, которая предполагает метафизическое единство церкви, желательно возглавляемой патриархом. Конечно, сама РПЦ говорит о каноничности, однако историк, на мой взгляд, должен выдерживать дистанцию по отношению не только к автометаописаниям, но и к самому дискурсу каноничности, рассматривая последний не как богословский постулат, а как одну из стратегий легитимации церковной власти в борьбе разных религиозных лидеров, сообществ и институтов.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что работа Роккуччи представляет собой выдающийся исторический труд, не лишенный, однако, недостатков. Хочется надеяться на продолжение исследований поднятой историком темы — как экстенсивное, в виде обращения к новым источникам и сюжетам, так и интенсивное, включающее в себя более строгое следование задачам исторической науки и привлечение современных методов интеллектуальной истории. Мне представляется, что одной из перспективных тем исследования может стать история конструирования церковной власти в РПЦ МП с опорой на международные отношения и, в частности, на деятельность ОВЦС как одного из наиболее важных органов церковной институции. Такое исследование позволило бы лучше понять как современную структуру РПЦ, так и ее отношения с государственной властью и ее органами, наследующими, как и церковь, ключевые институты, сложившиеся при Сталине и Хрущеве.